

В отличие от затаившейся, дышащей смертью Горной прогулочной ладьи, здесь, вокруг Чжубая, царило безудержное веселье. Воздух звенел от разноголосицы и пьяного смеха, а сама палуба бурлила, точно котел с кипящей водой.

Лицо Мо Линя окаменело, став серым и безжизненным, точно у мертвеца. Благодаря глубокому совершенствованию хмель его не брал, но облепившие его со всех сторон хорошенькие куртизанки лишь разжигали внутри глухую ярость.

И все же он не уходил, продолжая пристально следить за Чжубаем.

Цзи Юаньчу редко ронял хоть слово правды. Он размышлял о том, что окажись он на месте переродившегося Лу Юньци, первым делом он бы явился именно к своему любимому ученику.

В конце концов, в Городе между Облаками враги обложили их со всех сторон — и спереди волки, и сзади тигры, — а Чжубаю покойный Бессмертный почтенный доверял больше всех.

Мо Линь даже не пытался скрыть своего испытующего, колючего взгляда. Чжубай, впрочем, не выказывал недовольства: раз уж гостю так хочется смотреть, пускай себе смотрит, скрывать ему нечего.

Чжубай небрежно откинулся на подушки и спросил:

— Есть новости?

— Пока ищем, — глухо отозвался Мо Линь.

Он прекрасно помнил о той двусмысленной, темной связи, что когда-то объединяла Чжубая с Лу Юньци, а потому не собирался делиться деталями расследования.

Чжубай лишь хмыкнул — скрытность собеседника его не задела. Сердце у Главного посланника Мо было каменным, без единой трещины, через которую можно было бы выудить правду. Попадись ему Лу Юньци, пощады бессмертному точно ждать не пришлось бы.

Чжубай неопределенно протянул «угу» и больше расспрашивать не стал, будто судьба его бывшего наставника вовсе его не заботила.

— А у вас, Ваше высочество, — прищурился Мо Линь, — нет никаких вестей о Лу Юньци?

Чжубай негромко рассмеялся, словно услышал на редкость забавную шутку:

— Откуда? Он же меня до смерти ненавидит.

Мо Линь прищурился, тщетно пытаясь разглядеть фальшь за этой беззаботной улыбкой.

Обхватив за талию сидевших по бокам лисиц-куртизанок, Чжубай вскинул брови:

— Но если вдруг что разумеешь — поделись со мной, будь другом.

— Я приставлю к вашей свите несколько своих людей, — ровным, не терпящим возражений тоном произнес Мо Линь. — Надеюсь, вы не станете возражать?

Чжубай лишь беспечно улыбнулся:

— Да забирай хоть всю мою свиту. Мне без разницы.

Подобное хладнокровие лишало разговор всякой остроты. Сколько они ни крутились вокруг этого дела с того самого момента, как прибыли в Город между Облаками, толку не было. Цзи Юаньчу молот язык без умолку, но всё мимо цели, а истинные намерения Чжубая оставались скрыты плотным туманом.

Мо Линю начинало казаться, что во всем мире поймать беглеца по-настоящему жаждет он один.

На ладье становилось всё шумнее. Старший молодой господин Ху Фэн, изначально пришедший сюда лишь ради того, чтобы подобострастно прислуживать высокому гостю, успел изрядно набраться и теперь то и дело лез к Чжубаю с чаркой, расточая хмельные славословия.

Однако уже через несколько кругов хмель окончательно свалил бедолагу с ног. Чжубай же сидел не шелохнувшись, трезвый как стеклышко — словно весь этот вечер пил не крепкое вино, а легкий чай.

Вконец захмелевший Ху Фэн покачнулся и пластом рухнул на мягкую кушетку. Обступившие его девицы так и прыснули со смеху, принявшись наперебой щекотать и дразнить сонную жертву.

Тот вяло попытался отмахнуться, но подняться уже не смог. Забыв о своих высоких обязанностях принимающей стороны, он безвольно отдался на милость притащенных им же девок.

Прижав к себе одну из лисичек, Чжубай поднялся:

— Пожалуй, оставляю вас, Главный посланник. Выйду, освежусь немного.

Мо Линь даже головы не повернул.

Лисицы послушно потянулись вслед за ним. Одну Чжубай приобнял за плечи, другую вел за руку, являя собой картину подлинной неги и порока.

Стоило им переступить порог и выйти на прохладную палубу, как с его лица мгновенно слетела фальшивая истомы. Страхнув с себя девиц, Чжубай тяжело навалился на перила и шумно выдохнул скопившийся в легких винный угар.

Ему действительно нравилось праздное безделье: он обожал конные скачки, ставки на бои сверчков и прочие глупые забавы, столь ценимые молодыми бездельниками. Но всё это было лишь искусно разыгранной комедией для ушей и глаз бдительного Демонического владыки. На самом деле копошение в чужих телах вызывало у него лишь скуку.

Лисички недоуменно переглянулись. Зачем было тащить их на палубу, если этот господин и впрямь собирался просто дышать воздухом?

Не обращая на них внимания, Чжубай лениво развалился на деревянных брусках ограждения. Он напоминал сытого холеного хищника, пресытившегося легкой добычей и теперь со скучающим видом созерцающего темную речную гладь.

Девицы проследили за его взглядом. Хозяева заведения расстарались на славу, отведя почетному гостю лучшую ладью на реке. Отсюда Река Небесной Воды открывалась во всем своем великолепии: праздничные огни на берегах, скользящие по воде лодки и силуэты отдыхающих горожан были видны как на ладони.

При желании любой покровитель мог прямо здесь, на глазах у всех, увлечь приглянувшуюся крошку в прохладные струи реки — поговаривали, любовные утехы на плаву приносят особое, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Демонам были чужды условности людской морали. Обитатели этих мест предавались пороку открыто, без тени стыда. Вот и сейчас какой-то мелкий бес, прильнув к разгоряченному хмелем мужчине, утащил его за собой на глубину.

Отовсюду доносились стоны, похотливый смех и пьяный шепот. Праздник плоти бурлил вовсю.

Вот только Чжубай видел этот мир совсем иначе.

Над черным зеркалом Реки Небесной Воды клубился тяжелый, багрово-черный призрачный туман, а дно ее было усеяно бесчисленными мертвецами. Скелеты теснились там рядами, наполняя друг на друга, точно мясные туши на прилавке скотобойни.

Река давно превратилась в гигантскую братскую могилу, ставшую последним прибежищем для

тысяч несчастных.

До Чжубая доходили слухи, что когда-то эти воды прозвали Рекой младенческих костей — страшное напоминание о чудовищных подношениях, которые здешние наместники отправляли когда-то Владыке Небесной Канцелярии.

Он лениво созерцал блики на воде, как вдруг взгляд его зацепился за едва заметное движение вдалеке. Чжубай нахмурился. Там, за густой стеной прибрежного камыша, притаилась темная, лишенная огня джонка.

Обычный человек ни за что не разглядел бы ее в этой крошечной тьме, но взор древнего змея проникал сквозь любой мрак. Мало того — ночной ветер донес до его чуткого носа отчетливый, ни с чем не сравнимый запах свежей крови.

Там, в камышах, вершилась расправа.

Борт джонки глухо вздрогнул, словно от падения тяжелого тела. Чжубай сощурился, ухватившись поудобнее за перила — зрелище обещало быть куда интереснее приевшегося речного разврата.

Разумеется, заглянуть внутрь надстройки он не мог, но его внутреннему зрению представляли призрачные контуры: в его восприятии живые существа лишались плоти, представая лишь тонкими переплетениями светящихся нитей и очертаниями костей.

Силуэты на борту были неестественно огромными, футов под десять в высоту. Такие великаны... Из Армии Таинственных Символов?

Вот так диковина. Кто-то под покровом ночи резал элитных гвардейцев прямо у него под носом. Какая прелесть.

Наконец-то нашлось хоть какое-то развлечение. Подставив лицо ночной прохладе, Чжубай устроился поудобнее, словно сидел в первом ряду театра, и принялся смаковать кровавую драму, разыгрывающуюся посреди праздника похоти.

Всего в каюте находилось шестеро. Один неподвижно сидел в самом центре, окруженный кольцом багрово-черных талисманов — верный признак того, что его готовили в качестве жертвы.

Один из стражей Армии Таинственных Символов внезапно обернулся против своих же. Локтем заблокировав удар тяжелого топора, он неуловимым круговым движением вскинул клинок вверх и начисто снес нападавшему голову. Срубленный череп покатился по палубе. Из обрубка шеи убитого демона мертвенной струйкой повалила угольно-черная дымка рассеивающейся магии.

Нападение было столь стремительным, что остальные опомнились лишь мгновение спустя. С дикими воплями трое оставшихся воинов бросились на отступника, выхватывая оружие.

Нападавший, судя по доспехам, был обычным рядовым гвардейцем, однако его боевое мастерство поражало. Он с поразительной легкостью сдерживал натиск троих противников одновременно.

Но если приглядеться, в его выпадах сквозила странная неестественность. Каждое движение выходило отрывистым и дерганным, точно у марионетки на ниточках.

Едва эта мысль пришла Чжубаю в голову, как он присмотрелся внимательнее — и действительно разглядел тончайшие, слабо светящиеся нити, тянущиеся к запястьям и лодыжкам гвардейца. Несчастливым мертвецом управляли извне.

Кто-то превратил его в послушное орудие.

Чжубай слышал, что лучшими Мастерами марионеток в Городе между Облаками славилась Мастерская Цицяо. Но стоило ему прибыть сюда, как пришла весть: мастерская сгорела дотла, а древнее искусство навсегда сгнуло в огне. Кто бы мог подумать, что он станет свидетелем этого искусства прямо сейчас?

Самому Чжубаю никогда прежде не доводилось бывать на подобных представлениях, и он не знал, насколько велико было хваленое мастерство покойного Ло Цяоцяо. Но тот неизвестный, кто держал нити сейчас, бесспорно, достиг вершин совершенства. Мертвое тело двигалось столь стремительно и точно, словно подчинялось собственному разуму.

Пусть в пластике марионетки и угадывалась деревянная жесткость, скорость ее выпадов оставалась невероятной — кукловод явно превосходно владел техниками рукопашного боя.

Еще двое гвардейцев пали за считанные вдохи. Лишь с последним, самым сильным противником, кукле пришлось повозиться чуть дольше.

Но в этом и крылось главное преимущество марионетки: ей неведомы усталость и боль. Даже если лишить ее руки, она не замедлит шага и продолжит крушить врагов, беспрекословно исполняя волю своего создателя.

Клинок с хрустом пробил грудину последнего воина Армии Таинственных Символов. К ногам безвольного убийцы рухнуло четвертое безжизненное тело. Всё было кончено. Марионетка застыла.

Сдерживаемый невидимыми путами, мертвец со скрипом развернулся и уставился на человека, сидевшего в центре защитного круга.

Чжубай поначалу решил, что этот бледный, изможденный мужчина — обреченная жертва, чья жизнь угасала с каждой секундой.

Стало немного досадно: представление кончилось слишком быстро. Осушив чарку, Чжубай приготовился досмотреть финал и вернуться к гостям.

Марионетка занесла тяжелый палаш, окутанный клубами черного демонического пламени. Один удар — и сидевший на стуле человек разделит участь остальных.

Но лезвие так и не опустилось на его голову.

Раздался глухой, влажный звук. Запястье гвардейца резко вывернулось, направляя острие клинка ему же в живот, и марионетка с силой вонзила оружие в собственную плоть.

Густая черная кровь вперемешку с остатками магии хлынула из раны. Кукла прикончила саму себя.

С тяжелым стуком труп рухнул наземь. Мужчина, чинно восседавший на стуле, даже бровью не повел, когда у его ног распласталось окровавленное тело.

Именно он и был истинным Мастером марионеток.

Только теперь Чжубай разглядел, как тонкие нити Мастера марионеток зашевелились, словно живые змеи. Они скользнули прямо в раны на трупах, проникая глубоко в кровеносные сосуды, и принялись жадно качать алую влагу.

Насыщенная чужой силой кровь тонкой струйкой побежала обратно к пальцам хозяина. Мужчина сидел неподвижно, смакуя каждую каплю этой страшной жатвы.

Наконец, насытившись, он шевельнул пальцами, и нити послушно скользнули обратно в его рукав. Опираясь на подлокотники, незнакомец попытался подняться.

И вдруг резко повернул голову в сторону Чжубая.

У Чжубая перехватило дыхание, зрачки сузились до тонких щелок. Хоть он и понимал, что сквозь глухую стену каюты и речной туман его никто не разглядит, сердце на мгновение пропустило удар.

Им овладел не страх и не радость, а странное, лихорадочное возбуждение, заставившее кровь бежать по венам быстрее.

Словно он смотрел искусную пьесу, где марионетка внезапно обрела душу, или читал невероятный роман, чей герой в один миг сошел со страниц в реальный мир.

Великолепно. Другого слова он подобрать не мог.

Не будь ситуация столь деликатной, Чжубай непременно наградил бы неведомого мастера громкими аплодисментами.

Кровавое представление настолько заворожило его, что ему не терпелось сорвать маску и заглянуть в лицо тому, кто так виртуозно дергал за ниточки.

Впрочем, взгляд незнакомца был лишь мимолетным порывом осторожности. Не заметив ничего подозрительного, он тут же отвернулся.

Мужчина деловито обыскал каюту, забрал всё ценное, что нашлось у убитых гвардейцев, и полностью очистил судно.

Затем он обрубил якорный канат. Освобожденная джонка покачнулась на волнах, готовая пуститься по течению.

Никто на берегу даже не заподозрит, что здесь только что было судно. А когда хватятся пропавших гвардейцев, джонка уже уплывет по Реке Небесной Воды далеко за пределы города.

Закончив с приготовлениями, незнакомец бесшумно перебрался в причаленную к борту утлую лодчонку.

Он орудовал веслом неторопливо, с ленивой грацией человека, вышедшего на сытую вечернюю прогулку. Лодка медленно скользнула к шумным, залитым светом фонарей прогулочным судам.

В этой суматохе, где богатые ладьи знати терлись бортами о скромные лодки простых горожан, затеряться не составляло никакого труда. Раствориться в многоголосой толпе — лучший способ замести следы.

План был безупречен. Вот только Мастер марионеток не подозревал, что каждое его движение было запечатлено в памяти внимательного наблюдателя.

Чжубай заворуженно следил за приближением лодки. Тень на корме обретала четкие очертания. Незнакомец стоял прямо, сохраняя безупречную выправку, выдавшую в нем опытного мечника.

Свет от фонарей скользнул по его лицу, и Чжубай наконец смог разглядеть гостя. На

незнакомце был простой синий халат, а на лице не отражалось ни единой эмоции. С такой тонкой, соблазнительной красотой ему бы родиться обольстителем, но во всем его облике сквозило леденящее душу равнодушие.

До боли знакомое лицо. Чжубай невольно улыбнулся. Надо же, какая встреча.

— Маленький лис?

Су Цзюгуй вздрогнул и вскинул голову. Вокруг теснились десятки нарядных судов и лодочек. Образ лисьего куртизана идеально подходил для того, чтобы затеряться в этих водах — из всех присутствующих его видела лишь одна мелкая кошачья демоница. Он должен был исчезнуть без следа.

Но когда он поднял глаза, то наткнулся взглядом на роскошную прогулочную ладью. Чжубай стоял у самого края палубы с кубком вина в руке и весело щурился:

— Какая приятная встреча, не находишь?

Дракон небрежно покачивал вино в кубке, и во всем его облике читался неподдельный, хищный интерес.

За спиной господина жались двое полуголых юношей-куртизанов, на чьи наряды пожалели даже самого дешевого шелка.

Су Цзюгуй едва заметно нахмурился. Спасенная им кошечка упоминала, что Чжубай развлекается где-то поблизости, но кто бы мог подумать, что они столкнутся лицом к лицу посреди этой сутолоки.

Улыбка Чжубая казалась на редкость искренней и безобидной.

Но Су Цзюгуй ощутил, как по спине пробежал ледяной сквозняк. Этот змей всё видел.

До последнего взмаха клинка.

— Не желаешь подняться на борт? — прищурился Чжубай.

Вопрос прозвучал мягко, но обоим было ясно — это приказ, не допускающий возражений.

<http://bllate.org/book/18298/1755143>